

ТЕМА НОМЕРА

СОВРЕМЕННАЯ БЕЛОРУССКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.771

Социологическое воображение в зоне неизвестности (на примере развития социологии в Беларуси)

Ссылка для цитирования: Данилов А. Н. Социологическое воображение в зоне неизвестности (на примере развития социологии в Беларуси) // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 1. С. 14–25. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.771

For citation: Danilov A. N. Sociological Imagination in the Zone of Ignorance (on the Example of the Development of Sociology in Belarus). *Vestnik Instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 1. P. 14–25. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.771

**Данилов
Александр Николаевич¹**

¹Белорусский государственный университет,
Минск, Республика Беларусь

a.danilov@tut.by

AuthorID ПИНЦ: 940774

Аннотация. Современный мир глобально нестабилен, для него характерно перманентное возникновение новых вызовов и рисков, ответом на которые является возникновение нового типа цивилизационного развития и формирование неизвестной ранее целостности. В статье раскрываются механизм и мотивы выбора пути развития и роль в этом процессе социологического воображения. Воображение становится общим, междисциплинарным понятием, выполняющим в науке, прежде всего, познавательную функцию, позволяющую преодолевать незнание. Изучение современности в нынешних условиях превращается в большую проблему по причине возникновения теоретико-методологических неопределённостей, обусловленных современной фазой развития цивилизации, породившей множество рисков и угроз. Однако обилие эмпирического материала само по себе не всегда приводит к приращению нового знания. Прорывы в эмпирических исследованиях, новые методы сбора данных в итоге только усугубляют неопределённость и критически усложняют процесс создания новых концепций.

Современная наука рефлексует, осмысливает свои достижения и необходимость выхода за пределы сложившихся подходов. Поиск новых парадигм в научном познании и практической деятельности осуществляется с учётом человеческого измерения развития и в поиске баланса человека и природы. Проникновение в зону незнания основано на возможности создания новых образов на базе предшествующего опыта, на рефлексии, в которой ключевым моментом становится обладание исследователем развитым воображением. В то же время переход к новому типу социологического исследования требует методологической строгости, которая обеспечит сопоставимость полученных с их помощью знаний. В данной статье процесс функционирования социологии в зоне неизвестности рассматривается на примере столетнего развития социологической науки в Беларуси: выделены три этапа развития социологии, раскрыты их содержание и особенности функционирования

проблемного поля. Показано, что белорусская социология за прошедшие годы накопила значительный объем знаний и большой опыт использования существующих теоретико-методологических подходов, а сейчас готова к разработке новых научных парадигм.

Ключевые слова: современность, социальная реальность, социологическое воображение, зона неизвестности, проблемное поле, будущее

Время рождает запрос на изменения, а всякие изменения – это зона неизвестности. Периодически возникающие новые вызовы и риски приводят к поиску адекватной ответной реакции со стороны, прежде всего, науки, социальных институтов, человека. Меняются проблемное поле науки, тематика исследований, что предполагает возможность выхода на новые теоретические обобщения, обновление теории или методологии анализа. Научная рефлексия в зоне неизвестности не есть кризис. Это скорее констатация состояния неизбежности перемен, когда в рамках действующих парадигм стало тесно и непонятно будущее развитие. Социология всегда жила и мыслила реальностью, и как только она уходила в мир грез, она теряла своё предназначение.

В каждом времени ситуация менялась, включая место социологической науки в обществе, все время заставляя ее реагировать на современность, искать новую тематическую область и одновременно видоизменять дисциплинарную структуру. И каждый раз возникал вопрос о необходимости дать ответ на вопрос о том, что такое современность. Без ответа на этот вопрос нельзя реализовать прогнозную функцию социологии, думать о будущем. «Временной контекст – важнейший из контекстов развития науки, а современность – одно из наиболее тревожных и загадочных понятий» [3, с. 179]. Социальные законы не даны сразу, они возникают во времени, в процессе «расколдовывания» неизвестности.

Современность, собственно, и есть социальная реальность, представление человека об обществе, о мире в целом. В. С. Стёпин отмечал: «Построение картины социальной реальности можно начать с экспликации основных аспектов отношений человека к миру, которые включают: а) отношение к природе и искусственно созданной человеком природной среде, где непосредственно протекает человеческая жизнь; б) отношение к другим людям и социальным коллективам; в) отношение к духовной жизни, аккумулирующей как индивидуальный опыт человека, так и общественный исторический опыт поколений» [12, с. 3]. Причем каждая из этих сфер жизнедеятельности человека развивается самостоятельно, образуя некую целостность и в то же время тесно взаимодействуя между собой.

Социологическое воображение

Проникновение в зону незнания в настоящее время требует создания новых образов на базе предшествующего опыта, собственных представлений, фантазий, предположений по данному предмету, вызванных рефлексией на

заданную тему, где ключевым моментом становится обладание исследователем развитым воображением. В этом случае воображение становится ключевым общим для всех дисциплин понятием, выполняющим в науке, прежде всего, познавательную функцию, позволяющую преодолеть незнание, увидеть возможность изменений, новых модификаций объекта изучения.

В истории науки исследованию воображения всегда уделялось должное внимание. Этому феномену отдавали дань известные мыслители. Они отмечали и негативную роль воображения. И. Кант писал: «Мы часто и охотно играем воображением, но и воображение (в виде фантазии) также часто, а иногда и весьма некстати, играет нами» [2, с. 411]. Однако за прошедшее время отношение к воображению изменилось, а исследовательское поле в данной области существенно расширилось. Воображение стало предметом социологического анализа: воображаемые сообщества, национальное воображение и т.п.: «Новое информационное пространство, утверждение виртуальной реальности потребовали заметной активации воображения не только на высших этажах – наука, программное обеспечение, информационные технологии, – но и в сфере повседневности, в быту. Сложнее, но и актуальнее становятся проблемы прогнозирования будущего, где традиционной методике экстраполяции должна помочь игра воображения» [15, с. 15]. Представители гуманитарного знания, социологи, люди творческих специальностей хорошо понимают, что без воображения ничего не получится. Интересно признание классика социологии Г. Спенсера, который в своей «Автобиографии» писал: «Наклонность строить воздушные замки, надо полагать, считается вредной, однако я отнюдь не уверен в этом. В умеренной степени она мне представляется благотворительной. Ведь это игра конструктивного воображения, а без последнего нет завершения духовного развития. Я думаю, что во мне эта наклонность возникла из самопроизвольной активности духовных сил, которые в последующей жизни послужили средством к более высоким достижениям» [11, с. 39].

Каждый социолог стремится развивать свое воображение. Свидетельств тому немало. Интересна в этом плане работа Ч. Р. Миллса «Социологическое воображение» (1959). По прошествии времени, как оказалось, многие тезисы, изложенные в книге Миллса, стали подлинной реальностью и сохраняют по сей день свою актуальность. Для Миллса социологическое воображение не только необходимое условие призвания профессии социолога, но и базовый элемент культуры. Миллс писал: «Посредством социологического воображения человек сегодня надеется понять, что происходит в мире и что происходит с ним самим – в точке пересечения биографии и истории общества» [6, с. 12]. И далее: «Думаю, что социологическое воображение становится главным знаменателем нашей культурной жизни и ее отличительным признаком. Однако отдельные индивиды и широкая общественность в сфере культуры овладевают им медленно и часто на ощупь; многие обществоведы лишены его напрочь. Они как будто не подозревают, что без его развития и использования не удастся выполнить возложенную на них общекультурную миссию, возможность реализации которой коренится в классических традициях общественно-научных дисциплин» [6, с. 19].

В современной подготовке социологов теории уделено основное внимание. П. Штомпка утверждает: «В большой мере обучение социологическому воображению – синоним обучения социологической теории. Но не в смысле запоминания имен, школ, определений и аргументов. Скорее в смысле использования теории, т. е. ее связи с конкретной практикой, взглядом на текущие проблемы, на окружающее общество, а также ее связи с нашими личными биографиями и жизненными шансами. Социологическое воображение должно дать нам карту, лучшую ориентацию в хаосе событий, перемен, трансформаций» [16, с. 65]. Однако практика показывает, что это далеко не так. Далеко не все теоретики обладают богатым социологическим воображением. Здесь более точен С. А. Шавель, который отмечает, что «социологическое воображение, как оперирование чувственными и интеллектуальными представлениями, отличается: 1) правильно организованная память, в том числе и на теоретические знания; 2) широта комбинационного поля; 3) дисциплинированная фантазия, т. е. способность придумывать неожиданные сочетания представлений; 4) подвижность элементов в комбинационном поле воображения; 5) стремление придумывать новое – изобретать, перекомбинировать, творить» [15, с. 43].

Перемены всякий раз мотивируют исследователей к риску выйти за пределы навязчивых оппозиций познанного. Философ В. В. Миронов писал: «Философ всегда мыслит в условиях принципиальной невозможности достижения абсолютного и завершенного знания, а значит, его всегда будет сопровождать незнание. И вот эта зона незнания, зона самого процесса познания всегда будет заполняться мыслительными конструкциями, которые в зависимости от масштаба рефлексии, касающейся предельных оснований бытия, и выступают как метафизика, в основе которой лежит мудрость, основанная на интерпретации бытия человеческим разумом» [7, с. 14]. Социолог же изучает современность и, опираясь на полученные эмпирические знания об обществе, прогнозирует будущее, создавая социальные модели на базе социологических данных изучения общественного мнения, динамики ценностей, вновь обозначившихся противоречий.

И. Т. Касавин, подтверждая, что самая актуальная тема – современность – выделяет два ее пласта: «Первый – самый крупный – унаследован от прошлого и постепенно эволюционирует, сохраняя родовые черты. Это практически вся сфера политики, экономики, идеологии, религии, искусства, морали, многочисленные социальные практики. Второй пласт – это сфера современной науки и техники. Здесь изменения происходят с невероятной быстротой и провоцируют соответствующие сдвиги в других областях общественной жизни. Наука и техника сегодня пронизывают и во многом определяют все бытие человека. <...> В мире греческой античности сердцевиной была политика, в европейском Средневековье – религия, сегодня на их место вышла наука – такова реальность культурной динамики» [3, с. 11].

Уникальность социологии в ее междисциплинарности, отвечающей более высокому уровню абстрагирования – некой коллективной целостности.

Наращивание эмпирического материала не всегда приводит к решению проблемы, не всегда приводит к приращению знания. Даже самые технологически совершенные процедуры ее получения не создают целостного представления о жизни общества. Эмпирика сама по себе не рождает теорию. Об этом еще в XIX веке говорил и основатель социологии как науки позитивист Огюст Конт и его последователи. Желание основателя социологии сделать общественную науку по образцу естественных наук привело к ситуации, которую кратко и точно определил Д. Г. Подвойский: «Социология стремится догнать науки естественные и убежать от философии. Не получается ни первое, ни второе» [8, с. 6].

Социологическое знание возникает как особый тип позитивного размышления, направленного на возможность выстраивания собственного понимания картины мира. В этих условиях, социология, с другой стороны, раскрывает механизмы, обеспечивающие стабильность культуры, где происходит таинство творения будущего. Отсюда изначальное стремление социологии конструировать в том числе и социокультурные модели, благоприятствующие реализации потребностей личности. К тому же нельзя сбрасывать со счетов и такую важную задачу социологии в современном обществе, как способствовать повышению общей социологической культуры. «Социология не может обладать авторитетом в обществе, если она его не просвещает» [10, с. 38].

Социология в зоне неизвестности

Осознание неизвестности уже результат, определяющий возможный вектор новых исследований. Социология всегда воспринималась как тонкий инструмент познания неизвестности, которая в состоянии раздвинуть рамки современности, выстроить перспективу будущего. «Преобразование общества и типа цивилизационного развития, – писал В. С. Стёпин, – всегда предполагает изменение глубинных жизненных смыслов и ценностей, закрепленных в универсалиях культуры. Переустройство общества всегда связано с революцией в умах, с критикой ранее господствовавших мировоззренческих ориентаций и выработкой новых ценностей. Никакие крупные социальные изменения невозможны вне изменений в культуре» [12, с. 17]. Это хорошо прослеживается на примере развития социологии в Беларуси. Социология становится остро востребованной в период социальных кризисов и перемен цивилизационного порядка.

Впервые институционализированные формы своего функционирования социология в Беларуси обрела с началом работы Белорусского государственного университета (1921 г.). Уже в первый год работы университета была создана кафедра социологии и первобытной культуры (С. З. Каценбоген). Профессор С. З. Каценбоген (1889–1946) был выпускником первой в Российской империи кафедры социологии Петроградского психоневрологического института. Кроме конкретных социологических курсов «общей социологии» и «генетической социологии», он читал курсы «пролетарской революции», «истории революционных движений»,

«истории социалистической мысли», «истории развития общественных форм» и т. п. [17, с. 13]. Тематика его научных работ была разнообразной, отражала ритм эпохи, диктовалась не только интересом автора, но и запросами времени. О многом говорят названия работ С. З. Каценбогена: «Спорные вопросы в учении о происхождении брака и семьи» (1923), «Первобытный человек. Опыт социологического анализа этнографического романа Ренэ Марана «Батуала» (1923), «Философские и социологические основания марксизма» (1925), «Курс марксистской социологии» (1925), «Марксизм и социология» (1925). Однако еще до прихода на работу в БГУ С. З. Каценбоген опубликовал книгу «Пролетариат и крестьянство (социологический труд)» (1920), где автор попытался с учетом новых мировоззренческих тенденций оценить динамику хозяйственной жизни республики с позиции движения рабочей силы.

Большое внимание современных исследователей привлекает курс генетической социологии, который читал С. З. Каценбоген в те годы. Он был далек от представлений курса общей социологии, который читается в настоящее время в университетах, и представлял собой своеобразный сплав историко-социологической мысли и первобытной истории [5, с. 241]. Тем не менее этот курс давал достаточно хорошее представление о теоретической социологии. В нем помимо материалистической концепции общества К. Маркса, Ф. Энгельса и Г. Плеханова упоминаются и основоположники позитивизма, представители биологизма, органицизма и психологизма, что также свидетельствует об определенной логике развития классической социологии.

В середине 1920-х – начале 1930-х годов в Беларуси сложилось два ведущих центра социологических исследований – в БГУ и Институте белорусской культуры (затем Академии наук). Далее, реальная жизнь пришла в несоответствие с ожиданиями власти, и инструмент, измеряющий общественное мнение, оказался невостребованным.

Социология в СССР вновь понадобилась, когда в мире она уже давно была признана всеми и преподавалась в крупнейших мировых университетах, когда ни одно мало-мальски заметное событие не обходилось без социологических прогнозов. Вполне закономерно, что БГУ и Академия наук стояли у истоков возрождения социологической науки в Беларуси. Для исследования нового проблемного поля, которое сформировалось в стране в период «хрущевской оттепели», необходимы были новые знания, способные адекватно отражать происходящие перемены. Дальнейшее пребывание в международной самоизоляции было контрпродуктивно. Нужны были новые подходы, новые теории для управления в изменившихся условиях.

В академических институтах, вузах страны стали создаваться первые структуры социологического профиля. В Беларуси одной из первых в 1967 г. открывается Проблемная научно-исследовательская лаборатория социологических исследований Белорусского государственного университета (ПНИЛСИ БГУ) [9]. По заданиям государственных и общественных структур в лаборатории стали изучаться проблемы молодежи, эффективности воспитательной работы, проблемы семьи, трудовых кол-

лективов и социального управления. Помимо оперативных исследований ПНИЛСИ работала над крупными исследовательскими проектами, рассчитанными на многолетнюю перспективу. Большое значение для возрождения социологии имело создание в 1968 г. сектора, а затем отдела социальных исследований в Институте философии и права АН БССР (Г. П. Давидюк). Социология вышла за пределы научных секторов и лабораторий и стала проводить масштабные исследования актуальных проблем жизни трудовых коллективов, включилась в работу по социальному планированию предприятий и производственных объединений. Была разработана уникальная методика перспективного социального развития производственного коллектива.

Большое значение для существенного прорыва в зону неизвестности, изменения представлений о возможностях социологической науки для практики на территории Беларуси имела поистине подвижническая деятельность признанного лидера возрождения социологии в Беларуси профессора Г. П. Давидюка (1923–2020). Академическую ветвь ученых социологов возглавил академик Е. М. Бабосов. Вокруг них «сформировалось активное ядро исследователей, было восстановлено социологическое наследие – не только труды социологов 1920–1930-х гг., но и социологические идеи выдающихся дореволюционных философов, писателей, статистиков, юристов, демографов и др.; создавались новые подразделения, готовились кадры...» [14, с. 15–16]. Георгий Петрович Давидюк первым взял на себя ответственность за организацию подготовки профессиональных социологов. С начала 1974/75 учебного года на философском отделении исторического факультета БГУ по инициативе профессора Г. П. Давидюка была открыта специализация по прикладной социологии. В 1977 г. состоялся первый выпуск специалистов в области прикладной социологии, которые были распределены на предприятия в качестве социологов. К началу 1980-х гг. в аспирантуре на кафедре философии обучалось около двадцати человек по данной специальности.

Первопроходцам в социологии приходилось далеко не просто, и часто за каждым результатом стояла стена бюрократического неприятия реальности. Г. П. Давидюк вспоминал: «Однако, наше хорошее начало по подготовке социологов в университетских аудиториях было остановлено диктаторским повелением “сверху”. В 1978 г. советская делегация высшей школы выезжала в ГДР на совещание заведующих кафедрами общественных наук университетов Варшавского договора. От Белоруссии в делегацию входил я. На совещании-инструктаже перед отъездом в Министерстве высшего образования СССР заместитель министра этого Министерства, он же – руководитель делегации Н. И. Мохов попросил каждого из членов делегации (нас было 19 человек) доложить, кто в какой секции будет работать и о чем будет говорить. Когда очередь дошла до меня, я сказал, что буду работать в секции социологии, собираюсь рассказать, как на философском отделении БГУ готовят социологов, какие проводятся социологические исследования и как эта работа увязывается с учебным процессом, Н. И. Мохов мгновенно вскочил и стал озлобленно кричать: “У нас нет социологии. Кто вам разрешил вести подготовку социологов в университете?” Я спокойно ответил, что учебный план

для такой подготовки нам утвердил первый заместитель министра высшего образования СССР Н. Ф. Краснов. У нас уже состоялось два выпуска специалистов, в дипломах которых записано “профессия – прикладной социолог”. Н. И. Мохов пообещал разобраться в этом деле. Через год в БГУ “нагрязнула” министерская инспекторская проверка. Инспекция признала неправильной нашу запись в дипломе и предписала впредь делать такую запись “профессия – преподаватель общественных наук”. Так мы и делали до 1988 г., пока не признали социологию самостоятельной наукой» [1, с. 96].

Интересен опыт работы сектора прикладной социологии при кафедре философии гуманитарных факультетов БГУ, который был создан Г. П. Давидюком и начал научно-исследовательскую деятельность в 1974 году. «С первых дней моей работы в БГУ ректор университета В. М. Сикорский ежегодно выделял неограниченный лимит на ведение хоздоговорных социологических исследований. Для проведения этих исследований уже в 1974 г. при кафедре был создан сектор прикладной социологии, научным руководителем сектора был назначен профессор Г. П. Давидюк, заведующим сектором – доцент И. Я. Писаренко, затем последовательно сектором руководили кандидаты наук: С. А. Шавель, Д. Г. Ротман. Количество заявок от предприятий на проведение хоздоговорных исследований каждый год возрастало. К 1980-м годам сектор проводит уже исследования на девяти крупнейших заводах Белоруссии, в том числе на таких промышленных гигантах, как Могилевское ПО «Химволокно», Оршанский льнокомбинат. Годовая сумма выполняемых работ – 300 тыс. долларов. Ответственными исполнителями на этих предприятиях работали в то время доценты кафедры А. Н. Елсуков, И. Я. Писаренко, старшие научные сотрудники С. А. Шавель, Г. Н. Соколова, Д. Г. Ротман, А. И. Левко, А. П. Кацева, К. Г. Лапич и др.» [1, с. 97].

По примеру БГУ стали активно создаваться социологические структуры во всех ведущих вузах республики. Работа сектора прикладной социологии в БГУ дала толчок развитию заводской социологии, когда в штаты крупных заводов, комбинатов и организаций были введены должности инженеров-социологов. К 1980-м годам на базе вузовских кафедр гуманитарного профиля были стали открываться социологические лаборатории, исследовательские группы, сотрудники которых затем стали хорошими преподавателями социологии. В 1989 г. в БГУ открывается отделение социологии и кафедра социологии (первый зав. кафедрой – профессор А. Н. Елсуков) [4].

С обретением суверенитета Республикой Беларусь перед социологической наукой открылись новые возможности. Активизировались международные связи, появились первые негосударственные исследовательские структуры, социология стала широко преподаваться в университетах страны. Социологи Беларуси активно включились в исследование новых проблем жизни белорусского общества. Они значительно расширили объем исследований, связанных с процессами трансформации постсоветского мира, укоренением белорусской государственности, изменением ценностных ориентаций различных социальных групп населения республики, особенностями их социализации, идентификации.

Осуществлялись исследования проблем политической активности населения, изучение стратификации и демографических характеристик меняющегося общества под воздействием социальных, экономических, социально-психологических факторов. Особое внимание было обращено на выбор жизненного пути молодежи в новых условиях, разработку государственной молодежной политики, исследования субкультурных объединений молодежи. Социологи Беларуси включились в анализ политического поля республики, начали проводить электоральные исследования, связанные с выборами на Съезд народных депутатов СССР (1989) и депутатов Верховного Совета БССР (1990).

1990-е годы существенно трансформировали ситуацию в экономике страны, что потребовало изменения тематики исследований в экономической социологии и социологии труда. На первый план вышли исследования рыночных отношений, трудовой миграции, развития предпринимательства. Авария на Чернобыльской АЭС привела к переосмыслению многих устоявшихся в сознании людей стереотипов. Стали активно развиваться и содержательно обновляться такие направления, как социальная экология, социология катастроф и экстремальных ситуаций.

Национальная культура стала больше осознаваться как хранитель социокультурного кода нации, где происходит формирование будущего. На первый план вышли исследования проблем развития белорусской нации, социодинамики культуры в ее национальных традициях и особенностях в контексте взаимодействия со становлением и проявлениями специфически белорусского менталитета и национального своеобразия, национального самосознания белорусского народа. Социологи стали больше изучать проблемы культурной идентичности и самоопределения народов, межнациональные отношения в условиях становления суверенитета, проблемы региональной политики, развития местного самоуправления. Получили развитие современные информационные технологии, IT-структуры.

Таким образом, за все годы развития социологии в Беларуси был аккумулирован большой объем знаний о самых разных сферах жизнедеятельности белорусского общества. Однако выход социологической науки в зону неизвестности возможен только в условиях междисциплинарного синтеза наук. Прав был В. С. Стёпин, когда характеризовал современные тенденции синтеза научных знаний: «Они выражаются в стремлении построить общенаучную картину мира на основе принципов универсального эволюционизма, объединяющих в единое целое идеи системного и эволюционного подходов» [13, с. 460].

Заключение

Цивилизация вступила в фазу глобальной нестабильности, перманентно возникающие все новые вызовы и риски формируют запрос на перемены. Теоретико-методологическая неопределенность требует новых подходов, в том числе и основанных на социологическом воображении. Белорусская социология к такому прорыву готова. Необходимо осмыслить происходящее и дать ответ на вопрос о том, что есть современность, как трансформируются социальная реальность, наши представления об обществе и наше отношение

к миру. Есть ряд методологических проблем, которые необходимо разрешить при переходе к новым парадигмам исследования. Главной является проблема доказательности. Результаты, полученные с помощью социологического воображения как теоретического инструмента, должны быть обоснованы. Требование методологической строгости при выходе на новый парадигмальный уровень сохраняется, иначе множество авторских концептов невозможно будет сложить в целостную картину мира.

Белорусская социология является, с нашей точки зрения, хорошей базой для разработки прорывных теорий как раз потому, что обеими ногами твёрдо стоит на земле, изучая жизнедеятельность социума, но при этом в её основании исторически лежал философский подход, требовавший большого воображения. Она может обеспечить необходимый полёт фантазии и одновременно разумно ограничить его. В зоне неизвестности с помощью социологического воображения уже сейчас происходит поиск новых парадигмальных ориентаций в научном познании и практической деятельности, которые бы органично сочетались с антропологическим измерением местного и глобального социального развития, а также с человеком в его единстве с социумом и природой.

Библиографический список

1. Давидюк Г. П. В муках и страданиях родилась социология // Социологические исследования. 2008. № 6. С. 93–99.
2. Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 6. М.: Мысль, 1966. 743 с.
3. Касавин И. Т. Наука – гуманистический проект. М.: Весь Мир, 2020. 496 с.
4. Кафедра социологии БГУ: история и современность. К 25-летию создания. Минск: БГУ, 2014. 230 с.
5. Каценбоген С. З. Белорусский государственный университет за 1922–23 академ. год (итоги и перспективы) // Труды БГУ. 1923. № 4–5.
6. Миллс Ч. Р. Социологическое воображение. М.: NOTA BENE, 2001. 264 с.
7. Миронов В. В. Метафизика не умирает: избранные статьи, выступления и интервью. М.: РГ-Пресс, 2020. 448 с.
8. Подвойский Д. Г. Языки социологии: многоголосие или какофония? // Социологические исследования. 2011. № 5. С. 3–9.
9. Проблемная научно-исследовательская лаборатория социологических исследований Белорусского государственного университета (ПНИЛСИ БГУ): к 50-летию создания. Минск: БГУ, 2017. 99 с.
10. Симонян Р. Х. Социальная философия, общественное знание или генералистика: к проблеме кризиса социологии // Вопросы философии. 2021. № 3. С. 29–40.
11. Спенсер Г. Автобиография. Киев, 1906 (цитируется по: Шавель С. А. Перспективы развития социума. Минск: Беларуская навука, 2015. С. 39).

12. Стёпин В. С. Картина социальной реальности в системе научного знания (ч. 2. Структура социальной реальности) // Научно-теоретический журнал «Социология». 2009. № 4. С. 3–18.

13. Стёпин В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция / Нац. акад. наук Беларуси; Ин-т философии. Минск: Беларуская навука, 2021. 539 с.

14. Шавель С. А. Общественная миссия социологии. Минск: Беларуская навука, 2010. 404 с.

15. Шавель С. А. Перспективы развития социума. Минск: Беларуская навука, 2015. 507 с.

16. Штомпка П. Формирование социологического воображения. Значение теории // Социологические исследования. 2005. № 10. С. 64–72.

17. Яновский О. А., Баранова Е. В. Истоки университетской социологии в Беларуси: архивные факты и размышления историков // Социология. 2007. № 4. С. 10–20.

Статья поступила 05.01.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Данилов Александр Николаевич, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.771

Sociological Imagination in the Zone of Ignorance (on the Example of the Development of Sociology in Belarus)

Alexander N. Danilov

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

E-mail: a.danilov@tut.by

ORCID ID: 0000-0002-1190-4975

For citation: Danilov A. N. Sociological imagination in the zone of ignorance (on the example of the development of sociology in Belarus). *Vestnik Instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 1. P. 14–25. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.771

Abstract. The modern world is globally unstable. It is characterised by the permanent emergence of new challenges and risks, that in response leads to the emergence of a new type of civilizational development and the formation of a previously unknown integrity. The article reveals the mechanism and motives for choosing the path of development and the role of the sociological imagination in this process. Imagination becomes a general, interdisciplinary concept that performs in science, first of all, a cognitive function that helps to overcome ignorance. The study of modernity in the current conditions is becoming more problematic due to the emergence of theoretical and methodological uncertainties stipulated by the modern phase of the development of civilization, that has given rise to many risks and threats. However, without theoretical understanding, the abundance of empirical material does not always lead to the increment of new knowledge. Breakthroughs in empirical research, new methods of data collection, including working with big data, in the end only exacerbate uncertainty and critically complicate the process of creating new concepts. Modern science reflects, comprehends its achievements and the need to go beyond the established approaches. The search for new paradigms in scientific cognition and practical activities is carried out taking into account the human dimension of development and in the search for a balance between man and nature. Penetration into the zone of ignorance is based on the possibility of creating new images based on previous experience, on reflection, where the possession of a developed imagination by the researcher becomes crucial. In the article, the process of functioning of sociology in the zone of ignorance is considered on the example of a hundred-year development of sociological science in Belarus: three stages in the development of sociology are identified, their content and features of the functioning of the problem field are revealed.

Keywords: modernity, social reality, sociological imagination, zone of ignorance, problematic field, future

References

1. Davidyuk G. P. V mukah i stradaniyah rodilas' sociologiya [Sociology was born in pain and suffering]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2008: 6: 93–99 (in Russ.).
2. Kant I. Sochineniya v shesti tomah [Works in six volumes]. Vol. 6. Moscow, Mysl', 1966: 743 (in Russ.).
3. Kasavin I. T. Nauka – gumanisticheskij proekt [Science is a humanistic project]. Moscow, Ves' Mir, 2020: 496 (in Russ.).
4. Kafedra sociologii BGU: istoriya i sovremennost'. K 25-letiyu sozdaniya [Department of Sociology, Belarusian State University: history and modernity. To the 25th anniversary of creation]. Minsk, BGU, 2014: 230 (in Russ.).
5. Kacenbogen S. Z. Belorusskij gosudarstvennyj universitet za 1922–23 akadem. god (itogi i perspektivy) [Belarusian State University for 1922–23 academician. year (results and prospects)]. *Trudy BGU*, 1923: 4–5 (in Russ.).
6. Mills C. R. Sociologicheskoe voobrazhenie [Sociological imagination]. Moscow, NOTA BENE, 2001: 264 (in Russ.).
7. Mironov V. V. Metafizika ne umiraet: izbrannye stati, vystupleniya i interv'yuy [Metaphysics does not die: selected articles, speeches and interviews]. Moscow, RG-Press, 2020: 448 (in Russ.).
8. Podvoisky D. G. Yazyki sociologii: mnogogolosie ili kakofoniya? [Languages of sociology: polyphony or cacophony?]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2011: 5: 3–9 (in Russ.).
9. Problemnaya nauchno-issledovatel'skaya laboratoriya sociologicheskikh issledovanij Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta (PNILSI BGU): k 50-letiyu sozdaniya [Problem Research Laboratory of Sociological Research of the Belarusian State University (PNILSI BSU): to the 50th anniversary of its creation]. Minsk, BGU, 2017: 99 (in Russ.).
10. Simonyan R. H. Social Philosophy, Social Science or Generalistics: To the Problem of the Crisis of Sociology. *Voprosy filosofii*, 2021: 3: 29–40 (in Russ.).
11. Spenser G. Avtobiografiya. Kiev, 1906 [Autobiography. Kyiv, 1906]. (Quoted by Shavel S. A. Prospects for the development of society). Minsk, Belaruskaya navuka, 2015: 39 (in Russ.).
12. Styopin V. S. Kartina social'noj realnosti v sisteme nauchnogo znaniya (ch. 2. Struktura social'noj real'nosti) [The picture of social reality in the system of scientific knowledge (part 2. The structure of social reality)]. *Nauchno-teoreticheskij zhurnal «Sociologiya»*, 2009: 4: 3–18 (in Russ.).
13. Styopin V. S. Teoreticheskoe znanie: struktura, istoricheskaya evolyuciya [Theoretical knowledge: structure, historical evolution]. Minsk, Belaruskaya navuka, 2021: 539 (in Russ.).
14. Shavel S. A. Obshchestvennaya missiya sociologii [Social mission of sociology]. Minsk, Belaruskaya navuka, 2010: 404 (in Russ.).
15. Shavel S. A. Perspektivy razvitiya sociuma [Prospects for the development of society]. Minsk, Belaruskaya navuka, 2015: 507 (in Russ.).
16. Shtompka P. Formirovanie sociologicheskogo voobrazheniya. Znachenie teorii [Formation of sociological imagination. The meaning of theory]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2005: 10: 64–72 (in Russ.).
17. Yanovskij O. A., Baranova E. V. Istoki universitetskoj sociologii v Belarusi: arhivnye fakty i razmyshleniya istorikov [Origins of university sociology in Belarus: archival facts and reflections of historians]. *Sotsiologiya*, 2007: 4: 10–20 (in Russ.).

The article was submitted on: January 5. 2022

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander N. Danilov, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Sociology Department, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus